

Угрозный выкупчик.

Объявления за строку платятся на основании ее места в Латвии в текст 1 Л. 40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позади текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для иностранцев 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (ул. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733 и 21334, почт. редакц. — 21225. Главная контора и экспедиция Рига, Мельничная ул. 57. Тел. конторы 21030, телеф. рекламного отдела 21225.

С Е Т О Д А Н Я

№ 5.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

10-й г. изд.

Четвергъ;

5 января 1928 года

Цена номера в Латвии 12 цент. 6 р. в Латвии за оба изд. 60 цент., в Польше за оба изд. 80 грш., за утр. 40 грш., за воскр. 45 грш. Подп. пл. на „Сегодня“ в месяц (за 7 ном. в нед.) в Латвии 3 Л. 50 с. (175 р.), загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл. Подп. пл. на „Сегодня“ и „Сегодня Вечеромъ“ (13 ном. в нед.): в Латвии 5 Л. 75 с., загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 америк. долл.

„Вишневый Садъ“.

Театръ Русской Драмь.

Ни одна изъ пьесъ Чехова не привлекаетъ такъ, не говоритъ столько нашимъ днямъ, какъ «Вишневый Садъ». Не потому только, что ея грустное нѣжное очарованіе прошло какимъ-то нетронутымъ черезъ страшныя десятилѣтія, а потому, что вся она — чегъ Чеховъ не предвидѣлъ — оказалась пророчествомъ. Вотъ нѣтъ уже въ Россіи вишневаго сада, громаднаго, неизмѣрямаго, и новый человѣкъ, такой чуждый недавнимъ прежнимъ, весело бухаетъ топоромъ по роднымъ милымъ вишневымъ деревьямъ, которыя знали наше дѣтство нашу юность, все, съ чѣмъ срослось сердце.

«Вишневый Садъ» — наша тоска, онъ не такъ скоро умретъ для насъ.

Принимали пьесу необыкновенно тепло, хотя шла она въ Ригѣ не разъ.

Унгернъ показаль ее въ красивомъ тонкомъ рисунокѣ, знакомомъ по Худ. театру. Да, вѣдь, въ иныхъ тонахъ Чехова и не покажешь. Прекрасны декорациі, имѣющія такое большое значеніе во всѣхъ вообще чеховскихъ пьесахъ; въ особенности во второмъ актѣ, съ красивой далью, съ спускомъ въ ложбину, съ убѣгающими вдаль телеграфными столбами.

Труппа Русской Драмь Чеховъ знакомъ и очень близокъ. Это показали поставленныя въ прошломъ году «Чайка» и «Три сестры». Такъ же угаданы духъ и настроеніе «Вишневаго Сада».

Новая Раневская — Штенгель взяла прекрасный мягкій тонъ, очень вѣрный; умно, ласково, красиво у нея все, проникнуто особой чеховской грустью

и красотой. Даже незамѣтно было, что играла она полубольной.

Хороша была Аня — Ведринская, въ особенности въ первыхъ актахъ, гдѣ у нея милый, простой тонъ: въ слѣдующихъ у нея уже проявлялась моментанная какая-то искусственность, а отъ искусственности нѣкоторый холодокъ. Хорошую, вѣрную, въ мѣру забавную фигуру далъ Яковлевъ (Епиходовъ) и много простоты и художественной правды въ рисунокѣ Юровскаго, игравшаго Трофимова. Роль эту, между прочимъ, самъ Чеховъ считаль одной изъ крупнѣйшихъ въ пьесѣ и предназначаль для Качалова.

Но вотъ кому хочется сказать нѣсколько словъ — Барабанову (Лопахину). Въ третьемъ дѣйствіи Лопахинъ совѣмъ не грубъ, его выкрики все время сквозь слезы. И ужъ, конечно, онъ не хватаетъ самъ такъ грубо вазу и не швыряетъ ее на полъ. У Чехова ясно указано, что Лопахинъ наталкивается на столикъ нечаянно и слова «За все могу заплатить», онъ произноситъ скорѣе сконфуженно, чѣмъ такъ ухарски, чуть ли не съ притопываніемъ. Вѣдь онъ тутъ же **со слезами** говоритъ плачущей Раневской: «Бѣдная моя, хорошая... О скорѣе бы все это прошло, скорѣе бы измѣнилась какъ-нибудь наша нескладная, несчастная жизнь!» Въ теченіе всего третьяго акта весь тонъ его вообще долженъ быть безконечно мягче.

Много искренняго чувства было у Булатова — Гава, въ особенности въ послѣднемъ актѣ.

ЛЕВЪ МАКСИМЪ.